

мч-2
«Каспий» (Баку) 1898, 10 октября, № 217

с. 2.

Заметки читателя

Истинности его читатель может судить безшибочное заключение о немъ.

Весь романъ сплошь состоитъ изъ умныхъ разговоровъ; они интересны, читаются легко, но отсюда еще даже во до художественнаго произведенія. Можетъ быть, дальше авторъ измѣнитъ себѣ и примется за разработку психологін своихъ героевъ, но пока этого нѣтъ.

* * *

А. Чеховъ, повидимому, рѣшилъ снова обратиться къ прежнему характеру своего творчества—къ маленькимъ очеркамъ и рассказамъ. Жалѣть объ этомъ не приходится. А. Чеховъ—великій мастеръ и его рассказы—настоящіе шедевры. Несмотря на всю краткость свою, они даютъ прелестныя картины, цѣлкомъ выхваченныя изъ жизни; въ нихъ, какъ въ каплѣ воды, отражается наша тихая жизнь, съ ея гнетущими впечатлѣніями. Читатели „Каспія“ знакомы уже съ его рассказами: „Брижовникъ“, „О любви“ и „Человѣкъ въ футлярѣ“. Намъ остается познакомиться ихъ еще съ однимъ рассказомъ А. Чехова—„Юнычъ“, помѣщеннымъ въ сентябскомъ приложеніи къ „Нивѣ“. И онъ, конечно, подернуть все той же дымкой безотрадности, тоской и ненастьемъ, какъ и большинство произведеній нашего знаменитаго писателя.

Герои разсказа—земскій врачъ, молодой, прекрасный, пылкій и страстный энтузіастъ, шагъ за шагомъ ополняется, пока окончательно не превращается въ сытаго, откормленнаго „доктора“, съ обширной практикой.

„Отъ такихъ развлеченій, какъ театръ и концерты, онъ уклонялся, но зато въ винтъ игралъ каждый вечеръ, часа по три, съ наслажденіемъ. Было у него еще одно развлеченіе, въ которое онъ втянулся незаимѣтно, мало по малу, это—по вечерамъ вынимать изъ кармановъ бумажки, добытыя практикой, и, случалось, бумажекъ—желтыхъ и зеленыхъ, отъ которыхъ пахло духами, и унесу-

сомъ, и ладаномъ, и ворванью,—было написано во всѣ карманы рублей на семьдесятъ; и когда собиралось нѣсколько сотъ, онъ отвозилъ въ „общество взаимнаго кредита“ и вложилъ тамъ на текущій счетъ“...

Провинціальное общество выставлено въ разсказѣ въ самыхъ безотрадныхъ краскахъ.

Передъ нами все тотъ же типичный обыватель, мирный, благодушный, и даже не глупый человѣкъ, пока играешь съ нимъ въ карты, или пьешь водку; но стоитъ только заговорить съ нимъ о чемъ нибудь несъѣдобномъ, напримѣръ, о политикѣ или наукѣ, какъ онъ становится втупикъ или заводитъ такую философію, тупую и злую, что остается только рукой махнуть.

Безсо держательна, бессмысленна, безцвѣтна, вяла и худосочна обывательская жизнь. Нѣтъ въ ней ни свѣтлыхъ радостей, ни борьбы, ни страстей... Тамъ мязга какая то, а не жизнь.

Край, лишенный живой красоты,
въ немъ наместо однихъ чертъ,
Все неясно въ немъ, полно тѣней,
Начиная отъ самыхъ людей...
Если плачутъ—печаль ихъ мелка,
Если любятъ—такъ любятъ слегка;
Вилъ и медленъ неискренній трудъ;
Складъ всей жизни наношень и худъ;
Вѣчно смуглень, тревоженъ въ взглядъ;
Все какъ будто о чемъ то молчать...

Слово.